А. Л. Никитин

НОВГОРОДСКАЯ ПЕРВАЯ ЛЕТОПИСЬ И ЕЕ ИЗВОДЫ

Одной из загадок русского летописания до сих пор остается вопрос о времени сложения «Новгородской первой летописи» (далее – НIЛ), о содержании и даже самом существовании которой мы можем говорить лишь на основании двух ее списков. Древнейший из них, пергаменный Синодальный (далее – НIЛ-С), сохранил ее текст только в статьях 1016–1272 и 1299–1352 гг. Второй список, Комиссионный (далее – НIЛ-К), датируемый по филиграням началом 50-х гг. XV в., заканчивается описанием событий 1447 г., причем, если исключить вставные повести в НIЛ-К и потерю листов в НIЛ-С, тексты обоих списков в интервале 6583/1075 и 6841/1333 гг. отличаются друг от друга не только стилистически, но и наличием «избыточных» известий, которые в НIЛ-С нельзя отнести на счет переписчика, а в НIЛ-К – к числу безусловных позднейших вставок.

Вот почему, несмотря на большое количество работ, посвященных этим проблемам[1], среди которых необходимо отметить последние по времени исследования В. Л. Янина[2] и А. А. Гиппиуса   окончательного и однозначного ответа на поставленные вопросы до сих пор не получено, хотя исследователями выдвинуто много остроумных гипотез. И в первую очередь это относится к выяснению истории рукописи древнейшего, Синодального списка и его роли в новгородском летописании.

Как известно, каждый исследователь имеет право как на собственное видение предмета своего исследования, так и на собственную систему доказательств, прочность которой за-

висит от заложенного в ней фундамента, т. е. от соответствия выдвигаемых утверждений тем реалиям, которые безусловно являются научным фактом. Здесь же мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда исследователи списков/изводов НIЛ при, казалось бы, скрупулезном анализе разночтений, в одном случае игнорируют существование их общего протографа, а в другом прямо отрицают его существование, рассматривая Синодальный список в качестве курьезного конволюта, разрыв между частями которого оценивая чуть ли не в сто лет[1] Объяснить подобную ситуацию можно только отсутствием до сих пор полноценного кодикологического рассмотрения рукописи Синодального списка и специального текстологического анализа параллельных текстов обоих списков/изводов по отношению к их реальному протографу

Вот почему, не вступая в спор со своими предшественниками по частным вопросам, в настоящей работе я хочу показать возможность другого подхода к решению этих же проблем, опираясь не на догадки и домыслы, а исходя из конкретных особенностей рукописи НIЛ-С и содержащегося в ней текста[5], доступных проверке любым заинтересованным в этом исследователем.

1

Как известно, Синодальный список НIЛ представляет собой рукопись на пергамене, выполненную уставным письмом несколькими почерками, количество которых разные исследователи определяют по-разному. Рукопись из 169 листов в четверку является всего только сохранившейся частью первоначального кодекса объемом в 37 тетрадей, в среднем по 8 листов в каждой, как то можно установить по общей нумерации тетрадей, сделанной почерком XIV–XV вв. внизу на обороте последнего листа каждой из сохранившейся тетради (начиная с 19-й). Если следовать этой нумерации, то утрачены первые 16 тетрадей, содержание которых (до середины рассказа о Любечской битве 1016 г.) предположительно считается идентичным соответствующей части НIЛ-К. На самом деле до проставления этих колонцифр НIЛ-С успела потерять еще одну, не учтенную при нумерации тетрадь, находившуюся между нынешними 35-й и 36-й тетрадями и содержавшую статьи за 6781/1273 – 6807/1299 гг., которые вос-

станавливаются по тексту НIЛ-К, а также, возможно, еще одну или две завершающие тетради, поскольку в настоящее время окончанием сохранившегося кодекса служат три листа пергамена с текстом (лл. 167–169), которые подшиты к 37-й тетрадке, причем нижняя треть последнего листа (169) и его оборот остались свободным от записей.

Следует сразу отметить, что для большей части всего сохранившегося кодекса НIЛ-С характерна как плохая выделка пергамена, что отмечали предыдущие исследователи, так и изначальная дефектность многих листов: дыры, оставшиеся при выделке, вырезки, неполная (до 2/3) поверхность листа и т. д. (см. лл. 2, 4, 7, 12, 14, 15, 19, 36, 44, 45, 46, 47, 50, 52, 66, 72, 78, 80, 89, 92, 104, 108, 110, 113, 119, 146, 169)[6]. Изначальность этих дефектов не отмечена в описаниях рукописи, между тем она явственно проступает в обтекании текстом края ущербных листов, а также в использовании иногда не двойного, а одинарного листа, вставленного в тетрадь с загибом по фальцу внутреннего края, которые в описаниях рукописи ошибочно фигурируют как следы «*вырезанного листа*»[7] Использование такого недоброкачественного (бракованного) материала свидетельствует, что данный кодекс предназначался не для состоятельного заказчика, не для вклада в то или иное книжное собрание, а для частного пользователя, довольствовавшегося второсортным пергаменом, так сказать «отходами производства».

Такое заключение подтверждает и оформление рукописи, лишенной каких-либо украшений, кроме весьма скромных начальных инициалов годовых статей, обведенных (для 1-го почерка) или прямо написанных (для 2-го почерка) киноварью, что дало некоторым исследователям основание говорить о разновременности составления сохранившейся части первоначального кодекса. И здесь мы подходим к одному из важнейших вопросов истории НIЛ-С, которую традиционно пытаются решать, исходя из различия почерков писцов и датирования работы каждого по их палеографическим особенностям, в оценке которых мнения исследователей весьма существенно расходятся.

Суть проблемы заключается в следующем.

Начиная с л. 1 и до середины л. 62 НIЛ-С, т. е. до начала статьи 6708/1200 г. включительно, рукопись выполнена уставом одного

почерка буквами средней высоты. На листе 62 после полутора начальных строк статьи 6708/1200 г. произошла смена чернил, а буквы стали примерно в полтора раза выше, линии их — толще, и, хотя начертание их практически не отличается от начертаний в предыдущем тексте, возникает впечатление смены почерка, хотя и тот и другой вариант палеографы весьма согласно датируют от середины XIII до середины XIV в., причем большинство из них склонны считать оба эти почерка принадлежащими одному лицу, объясняя изменения сменой писцом орудия письма, ставшего более грубым и потому потребовавшего для четкости начертаний большей величины литер. Другими словами, можно полагать, что от сохранившегося начала рукописи и по л. 118 об. включительно (почти до конца статьи 6742/1234 г.) над нею работал один писец, что находит подтверждение в рисунке киноварных инициалов, структурные элементы которых практически идентичны на этом пространстве текста.

Таким образом, первая кардинальная смена почерков происходит на л. 119, и этот второй (по классификации А. Н. Насонова — третий) почерк продолжается до л. 156 об. включительно, доводя рукопись до 6838/1330 г. Второй, резко отличный от первого почерк начинается с первой строки указанного листа продолжением фразы середины статьи 6742/1234 г., оборванной на предыдущем листе рукописи, «**А новгородьцъ ту убиша || 10 мужь**...» без каких-либо потерь или изменений текста, читающегося в соответственном месте НIЛ-К. С изменением почерка связано некоторое изменение параметров трафаретной рамки-карамсы — увеличение количества строк с 18–21 до 21–23 на странице при одновременном уменьшении длины строки, а также несколько лучшей выделке пергамена. Такие изменения в характере письма, в особенности в начертании литер, вопреки устоявшемуся мнению предыдущих исследователей, привели А. А. Гиппиуса к заключению, что «*различия между двумя частями Синодального списка в качестве пергамена, структуре тетрадей* (? — А. Н.), *разлиновке листов, не говоря уже об огромной палеографической и лингвистической дистанции, проанализированной Б. М. Ляпуновым* (? — А. Н.), *свидетельствует о разновременности их создания и заставляет рассматривать Синодальную рукопись как уникальный в своем роде список. Речь может идти, таким образом, лишь*

об использовании или неиспользовании составителем младшего извода НІЛ самого Синодального списка, а не старшего извода как определенного типа текста, никогда, по-видимому, не существовавшего» [8].

Насколько исследователь прав, мы увидим позднее, пока же хочу напомнить, что полтора века назад, точно так же опираясь на характер почерка и чернил первых 40 листов Лаврентьевской летописи, резко отличных от последующего текста, и завершающего рукопись колофона монаха Лаврентия, Р. Ф. Тимковский, а за ним М. П. Погодин и А. Х. Востоков, достаточно опытные палеографы, пытались объявить весь кодекс конволютом, состоящим из разновременных тетрадок, что, как известно, не подтвердилось [9]

Но вернемся к Синодальному списку. Как было уже отмечено, второй почерк НІЛ-С доходит до конца л. 156 об., завершающего последнюю, 37-ю пронумерованную тетрадь кодекса, к которой подшиты еще три листа пергамена, на которых расположены записи почерками первой половины – середины XIV в. о событиях последующих лет в таком порядке:

1) третьим почерком на лл. 167–167 об. записаны – а) кратко резюмирующая события 6838/1330 г. строка о поставлении Василия новгородским архиепископом «того же лета»; б) ст. 6839/1331 г. о затмении солнца (опущенная в НІЛ-К, но имеющаяся в Новгородской IV летописи); в) ст. 6840/1332 г., идентичная НІЛ-К; г) ст. 6841/1333 г., представляющая первую часть соответствующей ст. НІЛ-К;
2) четвертым почерком на л. 167 об. – ст. 6845/1337 г., идентичная первой части соответствующей ст. в НІЛ-К за исключением опущенного в НІЛ-К весьма существенного уточнения о роли «старого архимандрита Лаврентия» в гонении на его будущего преемника;
3) пятым почерком («классическим уставом») на л. 168 – ст. «В лёто 6853-ее...», близкая по содержанию соответствующей статье НІЛ-К, но имеющая другое происхождение и значение, и тем же почерком на лл. 168 об. – 169 ст. 6860/1352 г. – рассказ о деятельности архиепископа Василия в год его смерти, текстологически никак не связанный с соответствующей статьей в НІЛ-К.

На этом текст НIЛ-С заканчивается, поскольку оборот 169 листа в XIV в. для продолжения хроникальных записей использован не был.

Теперь вернемся к вопросу о пропавшей до нумерации тетрадке, содержавшей статьи за 6781/1273 – 6807/1299 гг. Объяснить столь компактную лакуну в тексте можно трояким способом: 1) отсутствием этих текстов в протографе; 2) механическим пропуском одной тетрадки или 3) утратой данной тетрадки из уже написанного, но не пронумерованного кодекса НIЛ-С.

Первая из указанных возможностей маловероятна, как потому что тексты за этот период присутствуют в более позднем списке НIЛ-К, безусловно восходящем к их общему протографу с НIЛ-С, так и потому, что в составе Синодального списка отсутствующая тетрадка должна начинаться со вступительной синтагмы «В лето 6781...» на новой странице, а заканчиваться оставленной на обороте последнего листа синтагмой «**В лето 6807**», за которой в НIЛ-С на новом листе следует продолжение «**месяца априля 18, в суботу великую**...», аналогичное имеющемуся в НIЛ-К: «**месяца априля в 18 день, в суботу великую**...» Подобная идентичность списков абсолютно исключает возможность отсутствия соединяющего их текста в протографе и предположение о восполнении лакуны в НIЛ-К по какому-то другому списку.

Столь же маловероятно и второе предположение, поскольку перед нами довольно редкий случай для НIЛ-С сохранения на последней строке предыдущей страницы копии следующей годовой даты. Как правило, оба писца, работавших над кодексом НIЛ-С, стремились очередной годовой датой начинать новую страницу, оставляя неиспользованной до полустроки на предыдущей; в том же случае, если они оказывались перед необходимостью переноса на новую страницу части длинного слова или одного-двух коротких, они предпочитали опускать их на нижнее поле законченной страницы (лл. 12 об., 23, 35 об., 62 об., 108, 138, 141 об., 166 об.), но не переносить на новую, порою обрамляя такой спуск фигурной полурамкой, как то можно видеть на лл. 12 об., 23, 35 об.[10]

Из этого следует, что наиболее вероятен третий вариант, т. е. утрата тетрадки из 8 листов, находившейся первоначально

между лл. 150 и 151 по нынешнему счету, что произошло до того как: 1) все тетрадки были пронумерованы и 2) к рукописи были присоединены лл. 167–169, не имеющие нумерации.

В свою очередь это означает, во-первых, что на всем протяжении создания списка НIЛ-С и вплоть до записи о смерти архиепископа Василия летом 6860/1352 г., сделанной, как можно полагать, в то же лето, рукопись НIЛ-С существовала в сброшюрованном, но безусловно, в непереплетенном виде. Во-вторых, опираясь на наличие четкой последовательной нумерации последних трех тетрадок (35, 36, 37) и на имеющемся на л. 166 об. спуске части последнего слова рассказа о приглашении избранного на кафедру Василия послами митрополита «(на поста)вление» (в НIЛ-К вся эта фраза перешла из ст. 6838/1330 г. НIЛ-С в начало ст. 6839/1331 г.), можно предположить, что отсутствие в НIЛ-С весьма важного для последующей новгородской истории рассказа о перипетиях путешествия Василия с новгородцами к митрополиту (пленение их Гедимином и вынужденная уступка его сыну ряда новгородских «пригородов», попытка псковичей получить независимого от Новгорода собственного епископа, нападение на новгородского владыку киевского князя Федора с татарами), как, впрочем, и почти обо всей бурной строительной деятельности Василия в последующие годы, лишь пунктирно обозначенной отдельными эпизодами на дополнительных листах, объясняется не завершением рукописи НIЛ-С в 1330 г., а утратой по меньшей мере еще одной или двух конечных тетрадок (38 и 39), содержание которых, как я покажу ниже, могло доходить до 6858/1350 г.

Так это или не так, с безусловной уверенностью я утверждать не могу, прямых доказательств этому нет хотя бы потому, что, в отличие от НIЛ-К, мы не знаем сколько-нибудь достоверного отражения текста НIЛ-С в других летописных сводах. Тем не менее содержание годовых статей 6840/1332 и 6841/1333 гг. на л. 167–167 об., выполненных третьим почерком и во многом сходных с таковыми же статьями НIЛ-К, свидетельствует о попытке частично восполнить возникшую лакуну. С этой стороны интересна запись на л. 167 об. 6845/1337 г., воспроизводящая только часть соответствующей годовой статьи НIЛ-К, однако более полная по своему содержанию и позволяющая датиро-

вать ее написание более поздним, чем указанное в заголовке, временем.

Напомню, что речь идет о каком-то возмущении «простой чади» против «**архимандрита Есифа**», тогда еще не ставшего юрьевским архимандритом, которая, по интриге «**старого архимандрита Лаврентия**», заперла его на ночь в церкви «святого Николы», причем текст завершается многозначительным замечанием: «**А оже кто под другом копает яму, сам впадется в ню**». В 6845/1337 г. архимандритом Юрьева монастыря был именно Лаврентий, умерший через год после описанного события, после чего Есиф/Иосиф, по-видимому, и заступил на его место. Таким образом, эта запись была сделана много позже указанного события, о чем свидетельствует наименование Лаврентия «старым» архимандритом, а Есифа/Иосифа – действующим. Кроме того, столь необычная по почерку (он более нигде не повторяется) и по злорадству летописная заметка дает основание полагать, во-первых, что запись могла быть сделана самим Есифом/Иосифом и, во-вторых, что к середине 40-х гг. XIV в. все еще не переплетенный список НIЛ-С мог находиться именно в этой обители.

Такое заключение подтверждает следующая по порядку запись на л. 168, отличающаяся своей вводной синтагмой «В лето 6853-ее...» не только от остальных годовых статей НIЛ-С, но и от вводной части аналогичной статьи НIЛ-К, на что обращали внимание и предыдущие исследователи:

«**В лѣто 6853-ее, индикта лѣто 3-ее, поновлена бысть церкиси святыи Георгии покровомь, при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, при архиепископѣ новъгородьскомь Василии, при посаднице Еустафьи, при тысячьскомь Аврамѣ, промысломь Божиимь, поспѣшениемь святого мученика Христова Георгия, повелѣниемь боголюбиваго архимандрита новъгородьского Есифа**».

На первый взгляд, этот текст мало отличается от обычной годовой статьи, хотя он и вызывает удивление своей краткостью по сравнению с аналогичной статьей НIЛ-К, сообщающей о гораздо большем количестве событий за это лето. Перебирая варианты объяснений, можно предположить, что автор этой заметки, как и в случае с предыдущей, принадлежал к инокам

Юрьева монастыря и верным сторонникам Есифа/Иосифа, деятельность которого он и пытался столь торжественно увековечить, или, например, что его интересовала строительная деятельность архиепископа Василия. Однако все эти предположения отводит знакомство, во-первых, с графическим воплощением этой заметки на л. 168 рукописи, а во-вторых, ее жесткий формуляр с упоминанием не только духовных лиц, но, в первую очередь, имени великого князя Московского, а после архиепископа – имен посадника и тысяцкого, тогда как в соответствующей годовой статье НIЛ-К это сообщение введено в последовательность летописных заметок традиционной синтагмой «Того же лета... и в нем опущено упоминание имен новгородского посадника и тысяцкого.

Разница между текстами станет понятна, если мы обратим внимание на содержание вводной синтагмы («В лѣто 6853-ее...», а не «В лѣто 6853.») и на каллиграфически торжественный характер записи в НIЛ-С, который можно объяснить лишь возможно более точным воспроизведением оригинала «закладной доски» или надписи в Георгиевском соборе. Крупные по размеру буквы здесь тщательно выписаны, почти вырисованы, и сам листок мог бы служить образцом для художника-писца или для каменотеса, если бы не ошибка в указании индикта, в котором при копировании надписи пропущено «и десятеричное», поскольку в данном случае должен быть указан 13-й индикт, а не 3-й, как в НIЛ-С.

Однако главный интерес этой записи, связанной с архитектурными работами в Юрьевом монастыре, заключается в том, что на обороте этого же листа тем же почерком (использование характерного «якорного є») под 6860/1352 г. записан рассказ о последних месяцах жизни владыки Василия. Автор сообщает о поездке архиепископа летом в Орехов в связи с постройкой крепостной башни, о приезде псковских послов с просьбой посетить Псков, перечисляет места, где совершал во Пскове богослужение архиепископ (собор Троицы, монастырь на Снетной горе, у св. Михаила, у Ивана Богослова, обход города с крестами), пишет о выезде из Пскова владыки «здоровым», его внезапной смерти в монастыре св. Михаила на Шелони и о

последующем его погребении в Софии, которое совершал его предшественник, давно ушедший «на покой» владыка Моисей.

Этот завершающий НІЛ-С рассказ оказывается весьма важен для выяснения истории Синодального списка, поскольку текстологически он, во-первых, независим от соответствующего текста НІЛ-К, с которым до сих пор НІЛ-С отражал общий протограф, а во-вторых, не обнаруживается в других летописных сводах XV в. новгородского происхождения (НIVЛ, «Летопись Авраамки» и др.), где этот сюжет представлен текстом, близким НІЛ-К. Внимание привлекает и другое: молчание автора рассказа о причине, повлекшей за собой не только смерть новгородского архиепископа, но и саму его поездку во Псков, инспирированную специальным посольством жителей этого города.

Между тем в синхронной статье 6860/1352 г. НІЛ-К называет эту причину, хотя и весьма кратко: «**Бысть моръ силенъ вельми въ Плесковѣ**». Как выясняется, эпидемия легочной чумы, свирепствовавшая в Пскове и Псковской области на протяжении всей весны и лета 1352 г., послужила причиной поездки новгородского архиепископа во Псков и вскоре стала сюжетом особой повести «О псковском море», написанной, по-видимому, в 1353 г. неизвестным псковичем, пережившим эпидемию. Позднее эта повесть, будучи дополнена краткими сведениями, почерпнутыми из НІЛ-К, о переходе эпидемии в Новгород, где она косила людей последующую осень и зиму, вошла в новгородские и псковские летописные своды XV–XVI вв. под соответствующим годом. В такой ситуации молчание автора рассказа НІЛ-С о причинах смерти архиепископа Василия можно расценить в качестве свидетельства того, что сама запись была сделана после 3 июля 1352 г., но до начала эпидемии в Новгороде, т. е. еще летом, в то время как отсутствие каких-либо более поздних записей на обороте последнего листа НІЛ-С следует объяснить смертью владельца списка и поступлением не переплетенной рукописи в библиотеку Юрьевского монастыря — в том случае если справедлива догадка, что автором последних записей был один из его иноков или сам архимандрит Есиф/Иосиф, о котором, к слову сказать, ни в НІЛ-К, ни в других новгородских летописях мы не находим более никаких упоминаний.

Такая догадка находит косвенное подтверждение в затертости оборота последнего листа НIЛ-С, свидетельствующего, что после записи о смерти Василия рукопись существовала без переплета, в связке, теряя начальные тетради. С другой стороны, такое состояние рукописи в монастырском книгохранилище, безусловно, способствовало «выпадению» ее из обращения и препятствовало использованию ее текстов в последующем новгородском летописании, о чем свидетельствует отсутствие сколько-нибудь опознаваемых характерных текстологических заимствований в известных нам более поздних летописных сводах, сведения которых о внутренней жизни Новгорода за вторую половину XII – первую половину XIV в. восходят исключительно к текстам НIЛ-К.

Итак, результаты краткого кодикологического обзора НIЛ-С в данный момент могут быть сформулированы следующим образом: 1) безусловно установленным можно считать тот факт, что к концу 1352 г. рукопись все еще не была переплетена и находилась в виде связки отдельных тетрадок; 2) этот факт полностью дезавуирует основанное на разнице почерков предположение о разновременном создании двух частей НIЛ-С, разделенных чуть ли не столетним интервалом (в 30-х гг. XIII в. и в 30-х гг. XIV в.), тем более что листы рукописи на рубеже смены переписчиков (л. 118 об.) не обнаруживают следов механических повреждений (затертость последней страницы, грязь), неизбежно появляющихся при беспереплетном существовании рукописи в гораздо более короткие сроки, чем столетие; 3) все вышеизложенное позволяет утверждать, что работа над созданием Синодального списка НIЛ в его первоначальном объеме происходила одномоментно в первой половине XIV в. и была закончена, вероятнее всего, не в 6841/1333 г., а в интервале между 6845/1337 и 6853/1345 гг., если принять за terminus ante quem копию надписи в Юрьевском монастыре 6853/1345 г.; 4) разницу между первым и вторым почерком основного массива текста НIЛ-С следует объяснять не хронологически, а стилистически, как и в Лаврентьевском списке.

Однако насколько согласуются с такими выводами данные текстологического анализа?

Попытки сопоставления текстов Синодального и Комиссионного списков НIЛ, как правило, ограничивались выявлением имеющихся между ними разночтений и «избыточной» информации, содержащейся в каждом из них. Поскольку же целью такой работы было определение состава их общего протографа, то наличие разночтений и «избытков» пытались объяснить дополнениями, принадлежащими переписчикам и редакторам.

По отношению к НIЛ-К в ряде случаев такая позиция не вызывала сомнений, тем более если речь заходила о больших вставных новеллах и повестях, представленных как в изводах НIЛ, так и в составе других летописных сводов. Такими общими для обоих списков вставками являются «Повесть о взятии Царьграда фрягами» под 6711/1203 г., «Повесть о Калкской битве» под 6732/1224 г., «Повесть о Батыевом нашествии» под 6746/1238 г., однако уже «Повесть о убиении Михаила Черниговского» под 6753/1245 г. оказывается представленной только в НIЛ-К, точно так же как только в этом списке мы обнаруживаем соединение текста «Повести о князе Александре Ярославиче Невском» с годовыми статьями летописи, начиная с 6748/1240 г. и кончая 6759/1251 г. включительно, где описано чудо при его погребении, хотя вплоть до 1263 г. «усопший» князь продолжает жить на ее страницах. И наоборот, только в НIЛ-С под 6726/1218 г. можно найти рассказ об избиении братьев рязанским князем Глебом Владимировичем.

Гораздо чаще асимметричные пропуски и «избыточные» тексты встречаются в годовых статьях. Они появляются с конца 30-х гг. XI в., когда исследователь впервые сталкивается с уникальными хронографическими заметками о новгородских событиях, которые позволили А. А. Шахматову и его последователям представить их остатками Новгородского начального свода XI в., и далее, на всем протяжении НIЛ-С, причем сопоставление двух изводов убеждает, что в большинстве случаев мы имеем дело не с дополнениями, а с редакторскими сокращениями одного и того же прототекста. Это хорошо видно, например, в текстах под 6631, 6644, 6678, 6685, 6687, 6688, 6689, 6690, 6691, 6692, 6697, 6701, 6706, 6713, 6726, 6735, 6740, 6769, 6671, 6673, 6808, 6809, 6818, 6841 гг., где можно обнаружить перестановки

отдельных внутригодовых заметок, как если бы переписчик сначала такую заметку пропустил (случайно или намеренно), а затем, обнаружив ошибку (или переменив решение), ввел это сообщение в уже измененную последовательность событий.

В целом же следует констатировать, что эти сокращения и «избытки» не укладываются в какую-либо систему, т. е. не позволяют говорить о какой-либо *заданности* отбора. Последнее особенно рельефно показал в своей работе В. Л. Янин[11]. Это означает, что те или иные сокращения протографа целиком зависели от произвола переписчиков, для которых основной интерес, особенно в диапазоне XI–XII вв., представляли не киевские, а новгородские события, хотя при этом нельзя не учитывать, применительно к НIЛ-С, еще и желание по возможности сократить объем рукописи.

Другими словами, «избыточные» тексты НIЛ-С оказываются сокращениями, сделанными писцами НIЛ-К при передаче их общего протографа, и касаются преимущественно сведений о храмовом строительстве (6692/1184, 6703/1195, 6746/1238, 6808/1300, 6811/1303, 6835/1327 гг.) и «кадровых» изменениях в новгородской епархии почти двухвековой (для них) давности (6652/1144, 6675/1167, 6687/1179, 6700/1192, 6701/1193, 6702/1194, 6703/1195 гг.), тогда как сокращения этого же текста переписчиками НIЛ-С в статьях 6701/1193, 6711/1203 и 6833/1325 гг. скорее случайны и связаны с экономией места. В целом же именно изучение этих разночтений приводит к заключению о более полной и точной передаче общего текста НIЛ в НIЛ-С, чем в НIЛ-К, а их общее использование дает исследователю надежную базу для воссоздания текста НIЛ, несущего в себе не только тексты, но также индивидуальные приметы их авторов и переписчиков. На это прямо указывает в своей работе А. А. Гиппиус, по словам которого выделенные им «*в тексте погодной новгородской летописи XII — первой трети XIV в. сегменты могут быть* 〈...〉 *атрибуированы одному княжескому и одиннадцати* (*или десяти, в зависимости от неясной интерпретации самого последнего участка*) *владычным летописцам*»[12].

Будучи подтверждено фактами, такое замечательное открытие молодого исследователя могло раз и навсегда решить все загадки НIЛ и ее изводов; однако поскольку сам автор позабыл

сообщить читателям, на основании каких именно признаков ему удалось сделать столь важные наблюдения, последнее обстоятельство вынудило меня предпринять заново первичное текстологическое обследование списков, заключающееся в том, чтобы на протяжении всего текста НIЛ-С попытаться выделить повторяющиеся синтагмы, общие с НIЛ-К, а потому способные служить объективными признаками характеристики автора/составителя их общего протографа, проследив их распределение по годовым статьям.

Подобных устойчивых синтагм оказалось менее десятка, однако представлены они достаточно репрезентативно. Таковы патетические обращения: «О, велика бяша беда в час тыи...», или «О, горе тогда, братье, бяше...», или «О, горе, братие, лют бяше пожар...»; характерное заключение при сообщении о построении церкви или монастыря: «...и бысть крестьяном прибежище», «...и бысть прибежище всем крестианом»; не менее характерное завершение рассказа о каком-либо походе, путешествии или военной экспедиции: «...и придоша вси сторови/здорови», «...а сами придоша сторови», «...и приидоша вси здрави»; формула завершения переговоров о мире, что он был заключен «...на всей воли новгородской» и т. п.

В результате мною была составлена таблица, показывающая распределение таких синтагм по годам не только на отрезке совпадения текстов НIЛ-С и НIЛ-К, но и на всем пространстве Комиссионного списка, что исключает возможность случайных совпадений и тем самым намечает хронологические границы протографа НIЛ-С, общего с НIЛ-К. Вот как эти синтагмы распределяются по годам в текстах:

«**...и придоша/приехаша/воротишася вси сдорови/здрави**»: 6688/1180, 6694/1186, 6699/1191, 6700/1192, 6705/1197, 6720/1212, 6722/1214, 6724/1216, 6725/1217, 6727/1219, 6731/1223, 6741/1233, 6744/1236, 6748/1240, 6753/1245, 6764/1256, 6774/1266, 6776/1268, 6800/1292, 6819/1311, 6826/1318, 6832/1324, 6856/1348, 6858/1350 (**1180—1350 гг.**, 24 раза);

«**А покой, Господи... // А дай Бог ему...**»: 6696/1188, 6715/1207, 6719/1211, 6735/1227, 6738/1230, 6742/1234, 6770/1262, 6771/1263, 6776/1268, 6782/1274, 6809/1301, 6818/1310, 6819/1311, 6841/1333, 6850/1342, 6851/1343 (**1188—1343 гг.**, 16 раз);

«**О, ...братие...**»: 6574/1066, 6577/1070, 6632/1124, 6669/1161, 6723/1215, 6724/1216, 6726/1218, 6738/1230, 6775/1267, 6801/1293, 6819/1311 (**1066 –1311 гг.**, 11 раз);

«**...един Бог весть/един Бог то весть**»: 6717/1209, 6732/1224, 6735/1227, 6736/1228, 6746/1238, 6748/1240, 6770/1262, 6776/1268, 6823/1315, 6824/1316, 6843/1335 (**1209–1335 гг.**, 11 раз);

«**...на всей воли своей/новгородской**»: 6678/1170, 6737/1229, 6738/1230, 6763/1255, 6777/1269, 6791/1283, 6822/1314 (**1170–1314 гг.**, 7 раз);

«**...и бысть крестьяном прибежище**»: 6661/1153, 6687/1179, 6700/1192, 6703/1195, 6821/1313, 6845/1337 (**1153–1337 гг.**, 6 раз);

«**...и рады быша новгородци своему хотению**»: 6676/1168, 6713/1205, 6737/1229, 6822/1314 (**1168 –1314 гг.**, 4 раза);

«**...аше кто под другомъ яму копаеть, самъ ся в ню впадет/въвалить**»: 6765/1257, 6845/1337 (**1257, 1337 гг.**, 2 раза);

«**Мню бо, яко... / Мню, яко...**»: 6664/1156, 6860/1352 (**1156, 1352 гг.**, 2 раза) [13]

Итог, как можно убедиться, достаточно интересен: если отбросить два случая, приходящихся на тексты XI в., то на сплошной массив текстов с 1153 по 1352 г., т. е. на двести годовых статей, приходится 65 случаев использования устойчивых синтагм, характерных только для НIЛ-С и НIЛ-К и отсутствующих в предшествующих НIЛ-С летописных сводах, а во всех последующих без исключения встречающихся только в заимствованных из них текстах. При этом особенно важно отметить, что использование этих синтагм никак не реагирует на смену почерков писцов на лл. 117 об. – 118, демонстрируя монолитность текста статьи 6742/1234 г. и подтверждая происхождение Синодального списка как копии/извода НIЛ, существование которой не может быть поставлено под сомнение. И это при том, что в данный перечень не включены характерные для составителя протографа НIЛ-С благочестивые реплики и поучения.

Первая хронологически выделяемая группа состоит из двух синтагм, присутствие которых в текстах хорошо согласуется друг с другом, – «...**рады быша новгородцы своему хотению**» и «...**на всей воли новгородской**», поскольку обе они использованы в интервале 1168/1170–1314 гг., причем начальная дата сопоставима с рубежом начала собственного новгородского лето-

писания, традиционно связываемого с именем Германа Вояты. Примечательно, что ряд основных синтагм, появляющихся на отрезке времени с 1153 г. («...**и бысть крестьянам прибежище**») по 1188 г. («А покой, Господи... / **А дай Бог ему**...»), прослеживаются в первом случае до 1337-го, а во втором – до 1343 г., т. е. характерны для протографа обоих списков на всем пространстве собственно новгородского летописания этого периода. Там же, в 1335 г. заканчивается использование синтагмы ...**един Бог весть/един Бог то весть**», которая впервые отмечена в тексте под 1209 г. К этому перечню можно добавить дважды, под 6765/1257 и 6845/1337 гг., использованную сентенцию «**а оже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадется в ню / сам в ню въвалитъ**».

Однако самой устойчивой синтагмой оказывается формула благополучного возвращения новгородцев домой «**и придоша / приехаша вси сдорови / здорови**», проходящая от 1180 г. до 1350 г. и тем самым «покрывающая» все включенные в список тексты. Ее отсутствие в последующих статьях НIЛ-К дает возможность впервые с уверенностью отнести эту синтагму на счет не гипотетических авторов отдельных записей, а редактора-составителя протографа рассматриваемых списков, т. е. собственно текста НIЛ. Другой столь же безусловной редакторской синтагмой следует признать патетическое обращение к читателям/слушателям «**О, ... братие...**». Оно впервые встречается в текстах НIЛ-С 1066 г. и 1070 г., дополняющих соответственные тексты Киево-Печерской летописи, а в последний раз отмечено под 1311 г., что, естественно, не является безусловной гарантией ее отсутствия в протографе исследуемых списков и в последующее время до 1352 г., если только ее употребление не ограничивалось отношением автора/составителя НIЛ исключительно к событиям прошлого[14].

Насколько велика вероятность подобного предположения, подтверждает пример третьей аналогичной синтагмы, представленной в текстах 6664/1156 и 6860/1352 гг. более нигде в летописании не встретившимся мне оборотом «**мню, яко...**», которым упомянутый редактор-составитель вводил в текст свою оценку происходившего – первый раз в отношении событий двухсотлетней давности (о владыке Неофите и его

значении для Новгорода и новгородцев: «**Мьню бо, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утеху гроба его, отведе А Кыеву, и тамо прѣставися; и положиша А въ Печерьскемь манастыри, у святѣи Богородици въ печере**») и вторично по поводу эпидемии легочной чумы, разразившейся в Новгороде после смерти владыки Василия («**Не токмо же въ едином Новѣградѣ бысть сиа смерть, мню, яко по лицю всея земъля походи**»). И в том и в другом случае при внимательном изучении текстов не остается сомнения, что их обрабатывал один и тот же человек, живший, конечно же, не в XII, а в первой половине и середине XIV в. Подобное заключение, отнюдь не столь неожиданное, как может показаться на первый взгляд, позволяет думать, что и весь основной массив выделенных синтагм, имеющих эмоциональный оттенок и доходящих до 40-х гг. XIV в., принадлежит человеку, который собирал и обрабатывал тексты новгородских летописцев XII–XIII вв., составляя «Новгородскую Первую летопись».

Таков единственно возможный вывод, который нельзя опровергнуть так же, как нельзя опровергнуть устойчивое употребление данных синтагм, тем более что он не противоречит ранее представленным предварительным выводам кодикологического анализа НIЛ-С. Действительно, никакими гипотетическими перемещениями текстов в пространстве и во времени невозможно подвергнуть сомнению факт, что внести в тексты, описывающие события трех веков и последовательно возникавшие на протяжении этого периода, один и тот же набор характерных синтагм мог только человек, который сводил воедино и обрабатывал эти тексты. И если его последнюю характерную синтагму мы находим в тексте 1352 г., после которого ни одна из составляющих этого набора не появляется в НIЛ-К, то время прекращения его работы и последующей смерти надо искать вскоре после этой даты.

Вывод этот можно еще более укрепить, обратившись к событиям 6860/1352 г. и к их последствиям, отразившимся как в НIЛ-К, так и в других новгородских летописях.

Напомню, что речь идет об эпидемии легочной чумы, начавшейся весной 1352 г. во Пскове и затем перекинувшейся на Новгород, причем если во Пскове оказался переживший

чуму очевидец, составившей об этом времени повесть-отчет, содержащий рассказ о приезде к псковичам архиепископа Василия и о его последующей смерти, то в Новгороде краткую запись о гибели многих «добрых людей» оставил составитель НIЛ, которая в последующем новгородском летописании XV в. («Новгородская IV летопись», «Летопись Авраамки») следовала за сокращенным текстом псковской «Повести».

Вот эта запись в передаче НIЛ-К:

> «**В лѣто 6860. Бысть моръ силенъ велми въ Плесковѣ.**
>
> **Того же лѣта приихаша послове плесковьскыи в Новъгород, зовуще владыку Василья к собѣ, дабы их благословилъ, и владыка послуша молбы их, поиха к нимъ, и, приихавши, благослови их; и идя изо Пьскова в Новъгород, преставися на пути, на рѣцѣ на Узѣ, мѣсяца июля въ 3 день, на память святого мученика Акинфа, вторник въ 9 час дни.**
>
> **Того же лѣта постави владыка Моиси церковь камену въ имя святыя Богородица Успение на Волотовѣ.**
>
> **Того же лѣта пакы с молбою введоша Моисия архиепископа на свои ему столъ къ святѣи Софѣи.**
>
> **Того же лѣта бысть моръ силенъ в Новѣградѣ, прилучися приити на ны, по человѣколюбию Божию, праведному суду его; вниде смерть в люди тяжка и напрасна, от Госпожина дни почалося нольнѣ и до Велика дни, множество бещислено людии добрых помре тогда. Сице же бысть знамение тоя смерти: хракнеть кровью человѣкъ и до треи день бывъ да умрет.**
>
> **Не токмо же въ едином Новѣградѣ бысть сиа смерть, мню, яко по лицю всея земъля походи; и ему же Богъ повелѣ, тъ умре, а его же снабди, сего кажа наказует; да прочее дни о Господѣ цѣломудрено и безъгрѣшно поживемъ»** [НIЛ-1950, с. 362–363].

Как можно видеть из тональности заключения этой статьи, ее автор не подозревал, что она окажется последней в составленном им летописном своде, хотя это именно так и произошло. Основанием для такого утверждения служит следующая за ней годовая статья в НIЛ-К, сообщающая о смерти великого князя московского Симеона Ивановича, о посольстве от новгородского архиепископа в Царьград и о посольстве новгородца Семена Судокова в Орду:

«В лѣто 6861 (1353/1354). Преставися князь великыи Семеонъ Иванович всея Руси, и два сына его.

Того же лѣта послаша послы свои архиепископъ новгородчкыи Моиси въ Цѣсарьгородкъ цесарю и к патриарху, прося от них благословения и исправления о неподобных вещех, приходящих с насилиемъ от митрополита.

Того же лѣта послаша новгородци свои посол Смена Судокова ко цесарю в Орду, прося великого княжениа Костянтину князю [Васильевичу] Суздальскому; и не послуша их цесарь и дашеть Ивану князю Ивановичю великое княжение.

И пребыша без мира новгородци с великимъ княземъ полтора года, нь зла не бысть никакого же» [НІЛ-1950, с. 363].

Подобным образом, следуя хронологии НІЛ-К, об этом событии рассказывает «Софийская Первая летопись» старшего извода, возможно, используя (прямо или опосредованно) текст одного из протографов Комиссионного списка [15]

С точки зрения общей последовательности событий и «генеральной хронологии» здесь нет никаких ошибок. Более того, на первый взгляд эта запись позволяет думать (как это делает большинство исследователей данных текстов), что она является непосредственным продолжением предыдущих записей в НІЛ, будучи сделана если не той же рукой, то, несомненно, на тех же листах. Такова магия единого текста, заставляющая забыть, что на страницы Комиссионного списка это сообщение попало почти сто лет спустя после описываемых здесь событий, и у нас нет никаких оснований считать, что данный текст был скопирован непосредственно с НІЛ. Скорее наоборот: у нас есть все основания полагать, что НІЛ-К является копией/изводом не оригинала НІЛ, завершенного в начале 50-х гг. XV в., а всего лишь одной из последующих копий, близких, но не тождественных общему их с НІЛ-С протографу.

На чем базируется такое утверждение?

Одним из самых убедительных доказательств того, что между НІЛ и НІЛ-К стояли промежуточные списки, могут служить многочисленные мелкие ошибки в написании личных имен и топонимов, стилистические разночтения и изменения структуры фраз, выявляемые при сличении НІЛ-С и НІЛ-К, совершенно невозможные при непосредственном использовании одного

и того же списка-протографа, а также характер сокращений, которые, как и сокращения в НІЛ-С, можно объяснить только освобождением текста от уже излишних, потерявших значение и интерес подробностей в общих для обоих списков текстах, например (в квадратных скобках курсивом восстанавливается отсутствующий текст):

Комиссионный список	*Синодальный список*
6676/1168. Прииде князь Романъ Мьстиславиць, вънукъ Изяславль, Новугороду на столъ [*мѣсяци*] априля въ 14 день [*въ въторую недѣлю по Велице дни, индикта пьрваго*], и ради быша новгородци своему хотѣнию.	**6676**/1168. Приде князь Романъ Мьстиславиць, вънукъ Изяславль, Новугороду на столъ мѣсяци априля въ 14, въ въторую недѣлю по Велице дни, индикта пьрваго, и ради быша новгородьци своему хотению.
6687/1179. Заложи архиепископъ новгородчкыи владыка Илья [*съ братомь*] церковь камену святыа Богородица Благовѣщение, а начаша ю дѣлати мая [*мѣсяця*] 21 [*на святую цесарю Костянтина и Елены*], а концаша [*мѣсяця*] августа въ 25 [*на святого апостола Тита*], а всего дѣла церковнаго [*зьдания*] днии 70; и бысть крестияномъ прибѣжище.	**6687**/1179. Заложи архиепископъ [*новгородчкыи владыка*] Илия съ братомь церковь камяну святыя Богородиця Благовѣщение, и начя здати церковь маия мѣсяця въ 21, на святую цесарю Костянтина и Елены, а коньцяша мѣсяця августа въ 25, на святого апостола Тита, а всѣго дѣла церковьнаго зьдания днии 70; и бысть крестьяномъ прибежище.
6695/1187. Поставленъ бысть архиепископом новгородчкымъ Гаврила въ 29 марта [*мѣсяця на святого Варихисия*], а прииде к Новугороду [*мѣсяця*] мая въ 31 [*на святого мученика Ермиа*], и ради быша новгородци своему владыцѣ.	**6595**/1187. Поставленъ бысть архиепископъ новгородьскыи Гаврила мѣсяця марта въ 29, на святого Варихисия, и приде Новугороду мѣсяця маия въ 31, на святого мученика Ермиа, и ради быша новъгородьци [*своему владыцѣ*].
6704/1196. Того же лѣта исписа церковь на воротех архиепископъ Мартурии святыя Богородица [*а писецъ Грьцинъ Петровицъ*].	**6704**/1196. Томь же лѣтѣ испьса црковь на воротехъ архепископъ Мартурии святыя Богородиця, а писець Грьцинъ Петровиць.

6735/1227. И того же лѣта исписа церковъ Святых мученикъ 40 Вячеславъ Прокъшиниць, внукъ Малышевъ; а даи ему Богъ спасение и отпущение грѣховъ, иже много трудися о святых мученицѣх, и устрои собѣ память до вѣка вѣчнаго.	**6735**/1227. Въ то же лѣто исписа церковь Святых 40 Вячеславъ [*Прокошинич*], Малышев вънукъ; а и [*даи*] Богъ ему спасение [и отпущение грѣховъ, иже много трудися о святых мученицѣх, и устрои собѣ память до вѣка вѣчнаго].
6771/1263. А даи, Господи милосердыи, видѣти ему лице твое в будущии вѣкъ съ всими угодившими, сице же и за Новъград и за всю Рускую землю живот свои отдавая.	**6771**/1263. Даи, Господи милостивыи, видѣти ему лице твое в будущии вѣкъ, [*съ всими угодившими*] иже потрудися за Новъгородъ и за всю Русьскую землю [*живот свои отдавая*].
6809/1301. А покои, Господи, душа въ царствии небесномъ тѣх, иже у города [*того*] главы своя положиша за святую Софѣю; а князю великому Андрѣю умножи, Господи, много лѣт съ своими мужи съ суздалци и съ своими мужи с новгородци и с ладожаны.	**6809**/1301. А покои, Господи, въ царствии своем душа тѣхъ, иже у города того головы своя положиша за святую Софью [*а князю великому Андрѣю умножи, Господи, много лѣт съ своими мужи съ суздалци и съ своими мужи с новгородци и с ладожаны*].
6818/1310. Того же лѣта, на зиму, преставися *блаженыи* архиепископъ новгородчкыи Феоктистъ, мѣсяца декабря въ 23, на память святых мученикъ 10, иже въ Критѣ; много пострада Богови въ болезни, святая душа его возиде на небеса, а лице его просвѣтися яко свѣтъ, яко всѣмъ видящим дивитися и славити Бога; и положено бысть тѣло его честное всѣмъ иерѣискымъ чиномъ в манастырѣ святыя Богородица Благовѣщениа.	**6818**/1310. Тои же зимы преставися архиепископъ новгородскии Фектистъ, мѣсяца декабря 23, на память святыхъ мученик 10, иже въ Критѣ, [*много пострада Богови въ болезни, святая душа его возиде на небеса, а лице его просвѣтися яко свѣтъ, яко всѣмъ видящим дивитися и славити Бога;*]и положенъ бысть [*тѣло его*] въ церкви, в манастыри святыя Богородица Благовѣщения, честно всѣмь ерѣискым чиномь.

6824/1316. Князь же Михаило, не дошед города, ста въ Устьянехъ; и тако мира не возмя, поиде прочь, не успѣвъ ничтоже. Нь болшюю рану въсприимъ: възвратися назадъ и заблудиша во озерехъ, в болотех; и начаша измирати гладом, и ядяху конину, а инии, съ щитовъ кожю сдирающе, ядяху, а снасть свою всю пожгоша [*а иное пометаша*]; придоша пѣши в домы своя, примше рану, якоже древле иерусалимлянѣ, внегда предасть я Богъ в руцѣ цесарю Титу Римъску.	**6824**/1316. Князь же Михаило, не дошедъ города, ста въ Устьянѣхъ; и тако мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже. Но болшюю рану въсприимъ, възвративше бо ся въспять: заблудиша въ озерѣхъ и в болотѣхъ; и начата мерети гладомъ, ядяху же и конину, [*а инии, съ щитовъ кожю сдирающе, ядяху*] а снасть свою [*всю*] пожгоша, а иное пометаша; и придоша пѣши в домы своя, приимше рану немалу [*якоже древле иерусалимлянѣ, внегда предасть я Богъ в руцѣ цесарю Титу Римъску*].

Этими же, а отнюдь не какими-либо иными обстоятельствами объясняется отсутствие в Комиссионном списке тех «избыточных» сведений НIЛ-С о новгородцах XII–XIII вв., которые уже не вызывали интереса у читателей последующего времени (имя Германа Вояты, имена настоятельниц женских монастырей, даже упоминание архимандрита Есифа, выпавшего из некоторых списков новгородских архимандритов XV в. [16], и др.).

Наконец, и это, может быть, наиболее существенный факт, в тексте НIЛ-К, параллельном НIЛ-С, мы обнаруживаем обширные вставные повести, отсутствовавшие в первоначальном архетипе изводов.

Первой и самой показательной такой вставкой является «Повесть о взятии Царьграда фрягами», в обеих списках стоящая под 6712/1204 г. В литературе принято считать, что «Повесть» попала на свое теперешнее место между 1204 и 1211 г., когда из Константинополя в Новгород вернулся Добрыня Ядрейкович, вскоре возглавивший новгородскую архиепископскую кафедру под именем Антония. Логически так оно быть могло, но было ли? И для сомнений здесь есть серьезные основания, в первую очередь из-за того места, которое эта «Повесть» занимает в обеих списках.

Дело в том, что и там, и там статье 6712/1204 г. с «Повестью» предшествует статья 6711/1203 г. В НІЛ-С она состоит из 1) сообщения о взятии и разорении Киева Рюриком Ростиславичем, 2) сообщения о победе Ольговичей над Литвой, 3) смене новгородских посадников (умер Мирошка, стал Михалко) и 4) о конском море в Новгороде и области. В НІЛ-К статья 6711/1203 г. точно так же начинается 1) сообщением о взятии и разорении Киева, но далее следует 2) сообщение о походе русских князей на половцев, затем следует статья 6712/1204 г. с «Повестью», к которой «подверстаны» сообщения 1) о походе Ольговичей на Литву, 2) о смене посадников в Новгороде, 3) о конском море в Новгородской области, а потом – краткое летописное сообщение о взятии Латинами Царьграда, отсутствующее в НІЛ-С. На первый взгляд, разница здесь только в том, что в НІЛ-С выпущен поход на половцев и летописная заметка о падении Царьграда, да сдвинут ряд летописных заметок из 6711/1203 г. в 6712/1204 г., хотя В. Л. Янин полагает, что здесь перед нами безусловный «шов», указывающий на заимствование из неизвестной нам летописи[17].

В действительности дело куда интересней.

Такое передвижение текстов вокруг «Повести» было бы совершенно невозможно, если бы она вошла до или во время написания НІЛ, т. е. в первой половине XIV в. или ранее. Иное дело, если «Повесть» была вставлена в рукопись НІЛ после ее завершения, разорвав текст годовой статьи, в которой уже находилось известие о взятии Царьграда латинами, но до снятия первой копии, которую мы знаем под именем Синодального списка. Переписчик НІЛ-С, столкнувшись с текстом «Повести» и рассудив, что краткое сообщение о данном событии уже имеется в конце статьи 6712/1204 г., решил заменить его «Повестью» и, сократив объем предыдущей статьи путем исключения рассказа о походе русских князей на половцев, передвинул на его место в 1203 г. ряд событий 1204 г., предшествовавшие заметке о Царьграде. Наоборот, создатель протографа НІЛ-К переписал текст «Повести» так, как она и была вставлена между листами НІЛ, однако при этом забыл опустить дублирующую ее заметку о Латинах, внеся разнобой в отраженную изводами структуру НІЛ.

Но если перемещение текста в указанных пределах списка НIЛ-К связано с созданием первой копии НIЛ извода К ($К_1$), то наложение на ее текст «Повести о житии Александра Ярославича», включивший в себя отдельные фрагменты летописи статей 6748/1240 – 6759/1252 гг., можно было произвести только при работе над одним из последующих копийных списков, каким мог стать непосредственный протограф НIЛ-К ($К_2$, $К_3$) или даже собственно НIЛ-К, когда в распоряжении переписчика был не пергамен, а бумага, причем в достаточно больших количествах, что стало возможно только в XV в. Существование такого промежуточного протографа извода НIЛ-К находит подтверждение в особенностях Академического списка, происходящего от одного из общих с ним протографов, на что указывает, в частности, статья 6738/1230 г., где, в отличие от НIЛ-К, сохранилась адекватная НIЛ-С фраза «**и даи Богъ молитвами его всѣм христианомъ и мнѣ, грѣшному Иоанну попови**» с заменой имени пономаря Тимофея – попом Иоанном [НIЛ-1950, с. 70, 278].

Теперь, располагая вескими доказательствами о прекращении записей в НIЛ в 1352/1353 г., о чем свидетельствуют данные текстологического анализа, с одной стороны, и следы безусловной вторичности списка НIЛ-К, лишь опосредованно, через промежуточные копии/копию восходящего к собственно НIЛ, – с другой, мы можем возвратиться к заключительным для НIЛ статьям 6860 и 6861 гг. в НIЛ-К, чтобы рассмотреть высказанное предположение с точки зрения других новгородских летописных сводов.

И здесь мы сталкиваемся с любопытной ситуацией.

Начать следует с того, что в «Софийской Первой летописи» (старшего извода) (далее – СIЛ) нет вообще упоминания об эпидемии 1352 г., а статья 6860/1352 г. занята так называемым «Рукописанием Магнуша, короля свейского», после которого очень кратко, следуя НIЛ-К, сообщается о смерти архиепископа Василия на реке Узе[18], тогда как следующая статья 6861/1353 г. воспроизводит соответствующую статью НIЛ-К, открывающуюся сообщением о преставлении московского князя и отправкой новгородских послов в Орду.

Однако существуют новгородские летописи того же времени («Новгородская IV» и «Летопись Авраамки»), в которых этот «пакет» известий (смерть Симеона, отправка в Орду Семена Судокова, получение великого княжения Иваном Московским и отправка Моисеем посольства к патриарху) воспроизводится дважды – под 6860/1352 и 6861/1353 гг., будучи разделеным «Рукописанием Магнуша» и объединенным рассказом об эпидемии в Пскове, обстоятельствах смерти Василия и эпидемии в Новгороде, причем все это в пределах одного свода[19] Объяснить столь парадоксальную ситуацию можно только предположив, что в данном случае перед нами последствия временного разрыва летописания в Новгороде в результате эпидемии легочной чумы 1352 г., которая вывела из жизни не только летописцев, но на какое-то время и их труды, как это случилось с НIЛ-С. Однако если Синодальный список НIЛ все же сохранился до наших дней, чего нельзя сказать о его возможных изводах, поскольку мы их не знаем, то его протограф, список НIЛ, вероятнее всего, не дожил до начала XV в., если не погиб вскоре после эпидемии в одном из новгородских пожаров.

Действительно, анализируя тексты последующих новгородских сводов, можно заметить, что за исключением московско-владимирского летописания, все шире используемого в Новгороде уже во второй половине XIV в., в распоряжении новгородских сводчиков было два основных местных источника – один из протографов Комиссионного списка, который заканчивался статьей 6860/1352 г., и другой, близкий по содержанию, текст которого заканчивался статьей 6859/1351 г. Об этом нам известно потому, что одна из линий новгородского летописания XV в., представленная «Новгородской IV летописью» и «Летописью Авраамки», содержит в своем составе два варианта статьи 6861/1353 г., причем сокращенный вариант открывает статью 6860/1352 г., в которой далее следует рассказ о «псковском море», о смерти архиепископа Василия, об эпидемии в Новгороде (в НIVЛ добавлено еще и «рукописание Магнуша»), а более полный представлен под своим, 6861/1353 г.

Новгородская IV летопись	
В лѣто 6860. Преставися князь великии Семион Иванович.	**В лѣто 6861**. Преставися князь Семионъ Ивановичь, княживъ 13 лѣтъ.
	Исходящи сорочины смиренаго Семиона, преставися братъ его Ондрѣи. По немь родися на четыредесятины сын Володимерь.
	Преставися Фегнастъ митрофолитъ, наставникъ всеа Руси, и положенъ бысть на Москвѣ, въ церкви святыя Богородица.
	Того же лѣта князи в Орду пошли, сперся о великомъ княжении.
Послаша Новгородци свои посолъ къ Татарьскому царю Смена Судокова, просяще великаго княжениа князю Суздальскому Костянтину, и не послуша ихъ царь и дашеть великое княжение Ивану Ивановичу.	А Новгородци послаша свои посолъ Семиона Судокова ко Тотарьскому царю, прося великого княжениа Костянтину Васильевичю, князю Суздальскому; и не послуша ихъ царь и дасть великое княжение князю Ивану Ивановичю.
И пребыша Новгородци без мира с великимъ княземь полтора году, но зла не бысть ни коего же. ⟨...⟩	И Новгородци пребыша с нимъ без миру полтора года, но зла не бысть ни коего же. ⟨...⟩

Стоит отметить, что в статье 6860 г. в НIVЛ, открывающейся сообщением о смерти Симеона, далее говорится о встрече в Москве этого же Симеона с Константином Васильевичем Суздальским.

Объяснить такую ситуацию, тиражируемую в последующих списках, можно только предположив, что каждый из них был дополнен во второй половине XIV в. по одному и тому же источнику известиями, начинавшимися статьей 6861/1353 г. протографа НIЛ-К. В процессе дальнейшей работы сводчиков, объединивших в конце XIV в. две эти ветви новгородского летописания, дублирование одной и той же статьи осталось не замеченным, тем более что в «порубежной» статье 6860/1352 г.

оказались слиты как новгородские, так и псковские тексты, рассказывающие об эпидемии, тем самым еще раз подтверждая предположение о перерыве в летописании Новгорода, который и обозначил конец собственно текста НІЛ в 1352 г.

Вместе с тем, опираясь на дублирующие статьи о смерти московского князя, посольстве Семена Судокова и пр., можно думать, что продолжение новгородского летописания после 1352 г. не было связано с уже имевшимися сводами, а, как обычно, явилось проявлением частной инициативы после естественной гибели книг и летописей в пожарах и в результате уничтожения движимого имущества умерших от эпидемии, которое становилось переносчиком заразы. На это прямо указывал псковский очевидец, писавший, что «**аще кто кому отдаваху статокъ свои живота или дѣти, то и ти тако же мнози, на борзѣ разболевшеся, умираху**»[20] О том же истреблении старых летописей пожарами и эпидемиями упоминает и Краткий летописец новгородских владык под 1429 г., что «**отъ многыхъ лѣтъ и многихъ повѣтриевъ старые памятухи изверлися**»[21].

К сказанному можно добавить, что в тексте НІЛ-К внутренняя «замятня», вызванная в Новгороде эпидемией, возможно, отмечена пропуском 6859/1351 г., под которым в сводах XV в. повсеместно читается один и тот же рассказ о походе все того же князя Симеона Ивановича к Смоленску, последующем его стоянии на Протве и на Угре[22], заимствованный из московской летописи и только дополненный местным новгородским известием о поновлении церкви Бориса и Глеба «ореховским серебром»[23]

Таким образом, опираясь на результаты всестороннего текстологического анализа обоих списков/изводов НІЛ, сейчас можно утверждать, что 1) не дошедшая до нас рукопись НІЛ не только существовала, но была создана на основе предшествующих летописных сводов разного происхождения в результате работы человека, оставившего в ее тексте яркие отпечатки своего стиля и тем самым обозначившего объем своей работы; 2) обработка всего использованного материала была им закончена, вероятнее всего, в середине 40-х гг. XIV в., после чего с НІЛ была снята копия, известная нам как НІЛ-С; 3) поскольку характерные общие с НІЛ-С авторские приметы устойчиво прослежи-

ваются в тексте НІЛ-К с 6632/1124 по 6860/1352 г. включительно, можно полагать, что этот же человек продолжал пополнять созданный им текст НІЛ годовыми заметками до 6861/1353 г., каковым годом можно предположительно датировать его смерть; 4) спустя время после этой даты с пополненного текста НІЛ была снята новая копия, которая явилась общим протографом (архетипом) для всего извода НІЛ-К; 5) в последующем тексты этого извода были использованы в новгородском летописании, тогда как оригинальный список НІЛ, скорее всего, погиб в одном из новгородских пожаров второй половины XIV в., не дав другого «потомства»; во всяком случае, оно нам не известно.

3

Теперь, когда восстановлена непротиворечивая картина соотношения списка НІЛ со списками ее старшего и младшего изводов во времени и пространстве, можно попытаться определить место, которое занимала эта летопись в общей истории новгородского летописания как по своему содержанию, так и по своей социальной обусловленности, иначе говоря, в какой категории письменных источников ее следует рассматривать — как памятник частного или официального новгородского летописания?

Оставляя в стороне историографические подробности рассмотрения этой темы, можно сказать, что, несмотря на многообразие мнений исследователей, большинство из них было склонно рассматривать НІЛ как памятник официального новгородского летописания, связанный традицией и текстами с Начальным сводом XI в., но впоследствии вобравший в себя и частные новгородские летописцы второй половины XII — летопись Германа Вояты и первой половины XIII в. — летописный свод пономаря Тимофея. И то и другое вытекало из наблюдений над текстами обоих изводов НІЛ, однако в последних по времени работах было с предельной четкостью заявлено, что 1) НІЛ-С является отражением «владычной» летописи, т. е. безусловно официального, а не частного документа; 2) она велась непрерывно и постоянно из года в год с 1115 г. одним княжеским и одиннадцатью (или десятью) архиепископскими летописцами, каковыми были пономарь Тимофей и священник Герман Воята,

а также юрьевский архимандрит Кирик, сменявшими друг друга одновременно со сменой новгородских архиепископов; 3) эта летопись содержит в своей начальной части остатки новгородского летописания XI в., как то предполагал следом за И. П. Сениговым и Д. И. Прозоровским А. А. Шахматов и его последователи[24].

Начнем с того, что в таких широко употребляемых историками терминах, как «владычное летописание / владычный летописец / владычная летопись», совершенно так же как «княжеская летопись / княжеский летописец», отсутствует какое-либо реальное содержание, поскольку еще никто не смог указать конкретное отличие «княжеской» летописи от «митрополичьей», «монастырский» и т. д., уже потому, что таких отличий нет, как не было специально «княжеских», «владычных» и прочих летописцев. Не случайно и А. А. Гиппиус, перечислив годы работы каждого из десяти безымянных летописцев новгородских архиепископов, позабыл объяснить, как происходил их подбор и последующая смена, а главное — зачем все это было нужно.

Впрочем, на последний вопрос как раз можно ответить: чтобы утвердить идею о «*непрерывно ведущейся владычной летописи*», что, как мы знаем, не соответствует результатам текстологического анализа. Более того, именно эти данные лучше всего подтверждают несколько неуклюжее предположение, высказанное в свое время еще И. П. Сениговым, что Синодальный список представляет собою соединение нескольких летописей, аргументируя свой взгляд наблюдениями над палеографией, лингвистикой и историческими реалиями текста. Этот вывод позднее объяснил Б. М. Ляпунов, исследовавший язык НІЛ-С, который писал, что «*непоследовательность в правописании и палеографических приемах части 1—118 л. обуславливается тем, что писец или писцы имели перед собой подлинники, написанные разными руками и с различными правописаниями, и что, с другой стороны, последовательность в палеографическом и орфографическом отношениях части 119—166 л. указывает на однородный подлинник, исключая, м. б., некоторых мест*», и с прозорливостью указывал на последние страницы рукописи, которые, как мы теперь доподлинно знаем, были «*написаны впервые, а не списаны, тотчас после описанных на них событий*»[25].

Действительно, даже если ограничиться рассмотрением только сохранившегося в Синодальном списке текста НIЛ, можно увидеть, что он состоит из 1) переработанной и сокращенной заключительной части «Повести об убиении Бориса и Глеба»; 2) Киево-Печерской летописи Илариона за 6527/1019 – 6623/1115 гг., представленной отдельными заметками, в том числе и краткими упоминаниями о событиях в Новгороде (6553/1045, 6574/1066, 6577/1069, 6605/1097 гг.); и 3) собственно новгородской летописи, состоящей поначалу из кратких фактографических записей, поначалу присоединяемых к статьям Киево-Печерской летописи (6611/1103, 6613/1105, 6616/1108, 6618/1110, 6619/1111, 6621/1113, 6623/1115 гг.), а уже к концу 20-х гг. XII в. полностью вытесняющих их собственно новгородскими записями.

Можно ли считать их свидетельством «непрерывно ведущейся летописи»? Нет, потому что, как бы ни относиться к гипотезе о том, что текст до 1188 г. написан рукою Германа Вояты, священника церкви Якова, чья кончина описана под этим годом, terminus post quem для начала собственно новгородских записей является не 6611/1103 г. и даже не 6623/1115 г., а 6675/1167 г., под которым записано, что «**на ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба**», которая упомянута в НIЛ-К под 6557/1049 г. как уже построенная им же «**ныне** ⟨...⟩ **над Волховомъ**», из чего можно понять что обработка текста XI в. происходила во второй половине XII в. после указанной верхней даты.

Другой такой же временной вехой, от которой можно отсчитывать время составления летописи «Германа Вояты», может служить перечень киевских князей «по крещении», находящийся среди статей НIЛ-К, предшествующих собственно летописному тексту. Этот перечень заканчивается вокняжением в Киеве Ростислава Мстиславича, прогнавшего Изяслава Давыдовича 12 апреля 1159 г. Поскольку княжение Ростислава продолжалось по 1167 г., а его преемник, Мстислав Изяславич, вступивший на киевский стол 15 мая 1167 г., не назван, естественно полагать, что данный список составлен до этого события. Таким образом, эти два независимых показания, сходящиеся на 1167 г., достаточно точно определяют начало работы

над первой частью протографа НIЛ, которая основывается на 1) сокращенной выборке фактов из Киево-Печерской летописи Илариона и 2) собственно новгородских известиях, записанных post factum в последней трети XII в. Германом Воятой или его новгородским alter ego, в ранней своей части 3) дополненных разрозненными хронографическими заметками новгородского происхождения, в которых А. А. Шахматов хотел видеть следы новгородского летописания первой половины XI в.

В связи с этим стоит напомнить, что и усвоение Герману Вояте роли летописца основано исключительно на припоминании автора этой части летописи под 6652/1144 г. о поставлении его Нифонтом «в то же лето» попом, что позволило позднейшим исследователям сопоставить этот факт с указанием на продолжительность служения Германа «в полпятьдесят» лет под 1188 г., тем самым отождествив автора заметки с персонажем некролога. Однако кем бы ни был этот человек, отметивший свою причастность начальному периоду новгородского летописания, отождествить его с фигурой «владычного летописца» без сколько-нибудь убедительных аргументов, как это делает А. А. Гиппиус, чрезвычайно трудно, особенно если учитывать содержание его записей за период с 6627/1119 по 6696/1188 г., во-первых, потому, что они отражают не столько церковно-политическую, сколько бытовую сторону новгородской жизни, а во-вторых, потому, что эти же интересы и стилистические особенности их отражения можно наблюдать в текстах на протяжении последующих полутора-двух десятилетий после статьи 6696 г., сообщающей о смерти Вояты.

Более того, выделенные в тексте НIЛ устойчивые синтагмы, в ряде случаев позволяющие соотнести их употребление не с автором-составителем НIЛ второй четверти XIV в., а с авторами использованных им промежуточных сводов или частных летописцев, никоим образом не сигнализируют о какой-либо смене стиля в указанный период.

Оставляя на будущее специалистам-филологам, безусловно, самую сложную и ответственную сторону исследования НIЛ со стороны языка объединяемых ею текстов, в том числе и в динамике их изменений на протяжении трех с половиной веков, что требует одновременно проведения разносторонних тексто-

логических исследований всего круга памятников, содержащих эти же тексты, поскольку заявленная работами А. А. Гиппиуса программа не только не была, но по вполне объективной оценке не могла быть выполнена ни со стороны языка, ни со стороны текстологии, попытаемся, насколько это возможно, выяснить если не личность, то социальную фигуру возможного заказчика НIЛ с тем, чтобы представить себе назначение данного летописного свода.

Проблема эта, насколько мне помнится, ни разу не поднималась в работах исследователей отечественного летописеведения, как не рассматривался никем из них специально вопрос о роли и значении летописей в общественной и культурной жизни средневековой Руси, их бытовании, хранении, продуцировании и, наконец, конвое. Между тем эти вопросы не только правомочны, но и весьма функциональны, потому что летописи, а в особенности летописные своды, охватывающие события за несколько столетий, являли собой не столько «четьи» книги, сколько справочники, содержащие самые разнообразные сведения – прецеденты по обычному, гражданскому, церковному, государственному праву во взаимодействии разных ветвей власти, регулировании отношений различных слоев и групп населения, дипломатического протокола, норм внутренней и внешней торговли и многого другого. Летописи оказывались нужны представителям княжеской администрации, приказному аппарату, духовенству, начиная от приходских священников и кончая владычными дьяками, представителям городской администрации, судейскому сословию, торговым людям с большим оборотом капиталов и далекими торговыми экспедициями. Наконец, можно полагать, что летописи (хронографы) использовались при воспитании молодого поколения боярской и княжеской аристократии в качестве источника сведений по генеалогии, родственным связям, территориальным отношениям, взаимным обязанностям, географии и пр.

Насколько эти обстоятельства существенны при изучении именно новгородского летописания, показывает тот факт, что подавляющее большинство летописей новгородского происхождения или новгородской традиции известны нам, как правило, исключительно в составе сборников историко-юридическо-

го характера. В полной мере это относится и к НIЛ, представление о которой у нас складывается на основании Синодального и, в особенности, Комиссионного списка, дающего представление о так называемом «конвое» его протографа.

Сразу же оговорюсь – возможной части «конвоя». Как я показал выше, сейчас можно с уверенностью говорить, что рукопись НIЛ обрывалась на записи о событиях 6860/1352 г. и не получила своего естественного завершения, а затем вскоре и погибла «при невыясненных обстоятельствах», не дождавшись своего переплета. Принимая во внимание, что без переплета на протяжении 10–15 (если не более) лет оставалась и ранее снятая с НIЛ копия НIЛ-С, а также наблюдения над другими летописями (напр., история Радзивиловского списка)[26], можно считать, что рукописи летописных сводов оставались в тетрадках до тех пор, пока не получали своего завершения при составлении сборника определенного содержания. Насколько такое утверждение правомерно в отношении НIЛ и НIЛ-С, показывает состав сборника историко-юридического характера середины XV в., написанный тремя перемежающимися почерками, в котором находится текст НIЛ-К.

Напомню состав рукописи, содержащей текст НIЛ-К и хранящейся в собрании быв. Археографической комиссии в СПб. отделении ИРИ РАН под № 240, по публикации А. Н. Насонова: л. 7 «Сице родословятся велицеи князи русьстии»; л. 7 об. «Родословие тех же князеи»; л. 9. «Кто колико княжил»; л. 9 об. «А се князи русьстии»; л. 13. «А се, по святемь крещении, о княжении киевьстем»; л. 13 об. «А се князи великаго Новагорода»; л. 16. «А се посадници новгородьстии»; л. 18. «А се тысячьскыи новгородскыи»; л. 19. «А се русьстии митрополити»; л. 19 об. «А се новгородскыи епископы»; л. 19 об. «А се архиепископи»; л. 22. «А се архимандриты новгородскыи»; л. 22 об. «А се имена всем градом рускым, далним и ближним»; л. 25. «Летопись Акима епископа новгородскаго»; л. 28–264. Текст Новгородской летописи (НIЛ-К); л. 265–267. Церковный устав Владимира; л. 267. «Правило святых отець 165 5-го събора о обидящих церкви Божиа...»; л. 268. Церковный устав Владимира в другой редакции; л. 269. «А се уставъ Ярославль суды святительскыа»; л. 274. «О женитьве»; л. 274 об. «Устав великого князя Всеволода

о церковныхъ судехъ...»; л. 278 об. Устав великого князя Ярослава; л. 279. «Правда русьская»; л. 284. «Устав Володимерь Всеволодичя»; л. 291 об. «Закон Судный людям с дополнительными русскими статьями»; л. 302 об. «А се уставъ Ярослава князя о мостехъ»; л. 303 об. «А се рукописание князя Всеволода» [НIЛ-1950, с. 8–9].

Кроме такого «конвоя» в самом тексте НIЛ-К на л. 68 об. находятся перечни: «А се по святом крещении, о княжении Киевстемъ», повторяющий тот, что вынесен на л. 13 и точно так же заканчивающийся именем Ростислава Мстиславича; «А се в Новегороде первый князь по крещении Вышеслав...»; на л. 71 – «А се рустеи митрополиты» и «А се новгорочскыи архиепископы...»; на л. 71 об. – «А се число колко есть епискупии в Русе...» и «А се посаднице новгорочьскые...»; далее на л. 79 об. находится «Правда Руская», а на л. 81 – «Правда Ярославичей».

Важно отметить, что за исключением списка киевских князей «по святом крещении», в обоих вариантах завершающегося именем Ростислава Мстиславича, все остальные перечни – князей, епископов, митрополитов, архимандритов – в сборнике XV в. доведены до года его создания, тем самым делая его для заказчика/пользователя ценным справочником универсального политико-юридического характера с учетом истории и специфики Новгорода. В то же время, учитывая подбор статей, можно с уверенностью говорить, что он был рассчитан в первую очередь на нужды среднего звена белого новгородского духовенства и муниципального чиновничества, но никак не на духовную аристократию Новгорода в лице ее архиепископа и его ведомства хотя бы потому, что вопросы, возникавшие на этом уровне, решались на основе более авторитетных документов – грамот, договоров, собраний узаконений с комментариями и т. п.

Между тем данный сборник – единственный документ, позволяющий исследователю говорить об изначальном составе как НIЛ-С с ее утраченными 16 первыми тетрадками текста, так и собственно НIЛ. И если сейчас не вызывает сомнений тот факт, что ни НIЛ, ни НIЛ-С так и не получили своего структурного, арьергардного завершения, которое представлено в сборнике с НIЛ-К на лл. 256–303 об., то у них, безусловно, суще-

ствовала часть авангардная, состав и содержание которой можно предположительно реконструировать, опираясь на тексты Комиссионного сборника в целом. К сожалению, этого материала слишком мало для восстановления их общего протографа. Однако даже имеющиеся в нашем распоряжении тексты позволяют утверждать, что составитель НIЛ использовал для начальной части свода не только сокращенный, но еще и дефектный текст Киево-Печерской летописи Илариона за 1015–1115 гг., судя по списку киевских князей до Ростислава Мстиславича включительно, полученный им в составе одного из предшествующих сводов списков XIII в. (в свою очередь подвергнутый еще большему сокращению одним из составителей Синодального списка), что окончательно снимает вопрос о самой возможности рассматривать один из протографов НIЛ в качестве «непрерывно ведущейся владычной летописи с 1115 г.».

Можно предположить, что в своем незавершенном виде НIЛ, вобравшая в себя, похоже, все сохранившиеся предшествующие тексты частного новгородского летописания, будучи создана после вступления на кафедру архиепископа Василия Калики, могла рассматриваться своим составителем в качестве первой собственно новгородской летописи, гораздо большей по своему объему, чем то отразили списки НIЛ-С и НIЛ-К. На такую ее функциональную предназначенность указывают два факта – продолжение погодных записей, отразившихся в Комиссионном списке, и, соответственно, ее существование без переплета, оставляющее возможность прирастания последующими текстами.

В связи с изложенным возникает неизбежный вопрос об авторе-составителе НIЛ и его месте в социальной структуре Новгорода XIV в., хотя совершенно очевидно, что высказываемые на этот счет предположения не выходят за рамки вероятной гипотезы. Так, исходя из особенностей многочисленных реплик морального и религиозного характера, которыми насыщен текст НIЛ-С, а также сентиментальной патетики и поучений, обращенных к читателям-слушателям, можно заключить, что их автор, во-первых, являлся лицом духовным, хотя и невысокого чина; во-вторых, он был уже весьма преклонного возраста, для которого характерна подобная сентименталь-

ность и патетика, редко встречающаяся в летописных текстах, но обычная в старческих поучениях; в третьих, человек обладал блестящим литературным талантом, проявившимся в обработке использованного материала. Свидетельством этому является устойчивый литературный стиль, отразившийся в НIЛ-С, который с особенной силой проявляется в описании ряда бедствий, выпавших на долю новгородцев, поскольку разделяющие их временные интервалы не позволяют связывать эти тексты только с творчеством авторов-современников, в первую очередь того из них, кто оставил нам незабываемые картины голода «горькой и бедной весны» 1230 г. в Новгороде.

И здесь с неизбежностью встает вопрос о личности «пономаря Тимофея», его роли в новгородском летописании и его месте в общественной структуре средневекового Новгорода. Разрешение этих вопросов тем более необходимо, что самоупоминание имени Тимофея в статье 6738/1230 г. НIЛ-С «**а даи Богъ молитва его** [архимандрита Саввы. — *А. Н.*] **святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю**» [НIЛ-1950, 70] отсутствует в списке НIЛ-К, а в списках Академическом и Толстовском заменено на «**и даи Богъ молитвами его твоим христианомъ и мнѣ, грѣшному Иоанну попови**» [НIЛ-1950, 278], поскольку одинаково вероятными могут быть три объяснения этого факта: 1) изначальность в тексте ПВЛ имени Тимофея; 2) изначальность в тексте ПВЛ имени Ивана, замененного Тимофеем на свое; 3) наличие в тексте ПВЛ какого-то третьего имени, замененного на свое Тимофеем.

Как известно, личность новгородца Тимофея, пономаря Яковлевской церкви, привлекла особое внимание А. А. Гиппиуса, который в результате изучения почерков ряда новгородских документов второй половины XIII в. идентифицировал его почерк, известный по выходной записи так называемого Лобковского Пролога[27], с почерками писцов еще пяти рукописей — Апокалипсиса Никольского, второй части Софийского Пролога и трех пергаменных актов: договоров Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264 и 1268 гг. Результатом такой идентификации стало утверждение исследователя, что пономарь Яковлевской церкви не только прирабатывал перепиской книг, но был «*одним из авторов владычной летописи*», а

также выполнял «*роль секретаря владычного новгородского архиепископа или, иначе говоря, владычного нотария*»[28]. Соответственно, в этом случае пономарь Тимофей оказывался автором не только статьи 6738/1230 г. в НIЛ, но и всего летописного текста, начиная с 6737 по 6782/1274 г.[29]

Однако так ли все просто и верно, как объявил автор сенсационных открытий? Опытные палеографы знают, сколь ненадежна идентификация почерков писцов одного времени и школы, особенно если это касается древнерусского устава, где в очень малой степени возможно проявление индивидуальных начертаний. Сам факт написания пономарем Тимофеем других книг, кроме Лобковского Пролога, безусловно, возможен, если он работал на заказчиков, и здесь я могу допустить, что Гиппиус прав, говоря о Софийском Прологе и Апокалипсисе Никольского, хотя в каждом случае, безусловно, требуется сравнительная публикация образцов начертаний всех указанных текстов, чего до сих пор сделано не было.

Вместе с тем Гиппиус делает совершенно невероятное с точки зрения историка допущение, что заурядный пономарь Яковлевской церкви, стоящий на первой, самой низкой ступени церковного клира, мог быть одновременно нотарием Новгородской республики и Дома святой Софии. Как известно, пономарь, а точнее — парамонарь, был низшим клириком, «*на обязанности которого в древней церкви лежала обязанность неотлучно охранять священные места, наблюдать за храмом, возжигать и гасить светильники, просфоры, вино, воду, фимиам и огонь вносить в алтарь, возжигать и гасить свечи, кадильницу разжигать, алтарь мести и чистить от земли, пыли и паутины*», а также исполнять прочие хозяйственные службы Он происходил, как правило, из «простой чади», в лучшем случае — из поповских детей, и между ним и владычным нотарием, являвшимся по существу своему канцлером Новгородской республики и Дома святой Софии, выбиравшимся из «лучших людей» и принимавшим самое непосредственное участие в управлении государством и составлении актов государственного значения, лежала ничем не восполнимая социальная пропасть.

Наконец, стоит напомнить, что новгородский архиепископ имел своих бояр, детей боярских, своих дьяков («софьян»),

свой полк, свои волости и даже городки в Новгородских землях, а тем более собственных писцов, в ряде случаев даже известных по именам[31], почему не имел никакой нужды прибегать к услугам пономаря заурядной приходской церкви.

Сложность решения вопроса о времени и содержании вклада «пономаря Тимофея» в новгородское летописание заключается в том, что, несмотря на упоминание его имени в НIЛ-С под 1230 г. и в Лобковском прологе, у нас нет ни одной точной даты, на которую с уверенностью можно опереться при построении его биографии, как нет безусловной идентификации его почерков и личности. Как я показал выше, связь его имени с текстом 1230 г. оказывается сомнительной при отсутствии его имени в НIЛ-К и замене имени в Академическом и Толстовском списках, восходящих к общему с Комиссионным списком протографу, поскольку легко допустить, что имя Тимофея в НIЛ точно так же могло заместить в этом тексте имя действительного автора данного текста. Что же касается даты написания Лобковского Пролога, то, как известно, из-за стертости цифр ее прочитывали по-разному, в основном выбирая между 1262 и 1282 г.

В своей работе А. А. Гиппиус остановился на первой дате, по-видимому, для того, чтобы теснее увязать запись 1230 г. в Синодальном списке с Прологом 1262 г., а затем и с договорами 1264 и 1268 гг., предполагая смерть Тимофея вскоре после 1275 г., что вполне укладывается в вероятные рамки человеческой жизни. Между тем, изучив Лобковский Пролог, Л. В. Столярова признала верной только 1282 г. что сразу поставило под сомнение причастность *этого* пономаря Тимофея к статье 1230 г., если только не допустить, что указанная годовая статья была написана им много позже, возможно, в тех же 60-х гг. XIII в. Однако здесь мы сталкиваемся с другим затруднением: при той яркости и образности литературного стиля Тимофея, которые мы находим в статье 1230 г., у него должны были быть и свои специфические обороты речи, индивидуальные синтагмы, повторяющиеся в принадлежащих ему текстах и обрывающиеся вместе с концом его творчества.

Но где они? В представленном списке устойчивых синтагм мы не находим ни одной, кроме отмеченного ранее оборота «мы же...», которая могла соответствовать данному временно-

му интервалу между 1230 и 1255 г. Конечные рубежи гипотетических сводов XIII–XIV вв., прекращением использования отдельных синтагм, приходятся на 1311–1314, 1335–1343 и 1350–1352 гг. (причем начальные даты всех их укладываются в 70–80-е гг. XII в.), но поскольку личностная синтагма «мню, яко... читается в статье 6860/1352 г., возможность объяснения имени пономаря Тимофея в НІЛ/НІЛ-С ограничивается тремя версиями.

Версия первая: пономарь Яковлевской церкви Тимофей, живший в XIII в. в Новгороде, переписывал книги, в том числе Лобковский Пролог, а также занимался перепиской и составлением летописей, в которых по случаю упоминал и свое имя; таким образом оно попало в текст НІЛ.

Версия вторая: в Новгороде на протяжении XIII – первой половины XIV в. было два пономаря с одним и тем же именем «Тимофей», один из которых написал Лобковский Пролог, а другой, живший ранее, – статьи 1230 и 1255 гг.

Версия третья: тексты 1230 г. и последующих лет не принадлежат тому пономарю Тимофею, который в своей молодости переписал Лобковский Пролог 1282 г., а в 40-х гг. XIV в. вписал свое имя в составленную им НІЛ, которая стала протографом для Синодального списка, а затем была продолжена автором до 1352 г. Версия объясняет всю сумму имеющихся фактов, однако при этом требуется допустить возможность для Тимофея достаточно долгой жизни (около 90 лет), что не противоречит наблюдениям над эмоциональной дидактикой, отмечаемой в тексте НІЛ-С.

Как можно убедиться, ни одна из предлагаемых версий объяснения имени Тимофея не имеет абсолютной доказательности, как, впрочем, и внутренней противоречивости, что делает бесперспективными какие-либо дальнейшие изыскания в направлении связей яковлевского пономаря Тимофея с НІЛ.

Что же касается заказчика Синодального списка, то им мог быть никольский поп Есиф/Иосиф, избранный впоследствии архимандритом Юрьева монастыря. Во всяком случае не исключено, что последние записи на лл. 168–169 НІЛ-С были сделаны его рукою, хотя этому на первый взгляд противоречит запись на л. 167 об. под 6845/1337 г. о гонении «простой чади» на

этого самого Есифа, сделанная другим почерком и содержащая сентенцию «а оже кто подъ другомъ копаеть яму, самъ впадется в ню/сам в ню ъвалитъ», сентенцию, записанную на л. 136 об. почерком второго писца и находившуюся в протографе НIЛ-С, т. е. в продолжающейся НIЛ, как об этом свидетельствует НIЛ-К.

*

Итак, опираясь на результаты кодикологического и текстологического анализа Синодального списка НIЛ, можно утверждать, что его протограф, «Новгородская первая летопись», как это полагали А. И. Соболевский и А. А. Шахматов не только существовала, в чем сомневался А. А. Гиппиус, но была создана в конце 30-х или в первой половине 40-х гг. XIV в. (сам Шахматов в работах разного времени датировал ее то 1330 г., то 1333 г.) и прирастала текстами вплоть до 1353 г., о чем можно судить по содержанию Комиссионного списка НIЛ. Дальнейшая судьба рукописи НIЛ неизвестна, однако пока у нас нет никаких данных, что она была использована в последующее время при формировании позднейших летописных сводов, возможно, потому, что до сих пор не сделана попытка реконструкции его текста.

Из сопоставления Синодального списка с Комиссионным можно заключить, что первый является слегка сокращенной копией НIЛ, сделанной не позднее середины тех же 40-х гг. XIV в., которая пополнялась отдельными, несистематическими записями вплоть до 1352 г. Индивидуальные особенности текста НIЛ-С, отсутствующие в НIЛ-К и в других известных сводах XV в., заставляют думать, что, подобно своему протографу, этот список по неизвестным нам причинам также не участвовал в последующем процессе новгородского летописания. Таким образом, единственной продуктивной ветвью НIЛ оказывается та его копия, которая послужила протографом для извода, представленного Комиссионным и Академическим списками, отразившись также в текстах «Софийской Первой», «Новгородской Четвертой летописи» и «Летописи Авраамки».

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературу см.: [*Клосс Б. М.*] Летопись Новгородская первая СККДР. Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 245–247.

[2] *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980; В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 153–181.

[3] *Гиппиус А. А.* Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1996; *Он же.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 3–72; *Гимон Т. В., Гиппиус А. А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 7 (17). СПб., 1999. С. 18–47 и др.

[4] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста... С. 15–16, 69.

[5] В последующем ссылки даются по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее – [НIЛ-1950]).

[6] Новгородская хартейная летопись: Фотографическое воспроизведение. М., 1964.

[7] [*Насонов А. Н.*] Предисловие // НIЛ-1950. С. 5; Летопись Новгородская первая // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 261.

[8] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста... С. 15–16.

[9] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. II, кн. 1. Киев, 1908. С. 358.

[10] См. указанные листы в: Новгородская хартейная летопись. М., 1964.

[11] *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка... С. 162–179.

[12] *Гиппиус А. А.* Лингво-текстологическое исследование Синодального списка... С. 22.

[13] Кроме указанных синтагм, позволяющих использовать их для стилистической характеристики автора/составителя протографа НIЛ-С и НIЛ-К, в статьях 6738/1230 и 6763/1255 гг. отмечено неоднократное употребление местоимения «мы», «нам» («...**Мы** же на прѣднее възвратимъся, на горкую и бѣдную память тоя весны. 〈...〉 Тоже бы **намъ** все **видяще** предъ очима, лучьшимъ быти, **мы** же быхомъ пущьци: брат брату не съжаляшеться, ни отечь сынови, ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уламляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣтии плачюще хлѣба, а другая умирающа»; «6763/1255. ...**Мы** же ту страсть **видѣвъше**, ни худѣ покаемся грѣхъ своихъ»), что позволяет видеть в авторе этих текстов очевидца описываемых событий, невольно идентифицируемого с «пономарем Тимофеем», назвавшим себя в статье 6738/1230 г. Однако ввиду столь ограниченного употребления этих признаков (1230 и 1255 гг.) они не могут быть использованы для характеристики всего текста.

[14] В этом плане характерна аналогичная смена синтагмы «и до сего дни», использованная Иларионом в Киево-Печерской летописи для описания событий прошедшего времени, оборотом «...и ныне», начиная с событий 1074 г. (*Никитин А. Л.* Инок Иларион и начало русского летописания. М., 2003. С. 55).

[15] ПСРЛ. Т. VI, вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 431–432.

[16] ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 627.

[17] *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка... С. 174–175.

[18] ПСРЛ. Т. VI, вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 429–431.

[19] ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 280–286; ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 83–86.

[20] Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V, вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 22.

[21] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 138–139.

[22] ПСРЛ. Т. VI, вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 429.

[23] ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 280; ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 83.

[24] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста... С. 3–72.

Ляпунов Б. М. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1900. С. 17.

Никитин А. Л. О Радзивиловской рукописи // ГДРЛ. Сб. 11. М., 2004.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 199–200; *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 132–135.

[28] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста... С. 8–9.

[29] Там же. С. 10–11.

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1899. С. 408; *Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1900. С. 704.

[31] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. II, кн. 1. Киев, 1908. С. 651.

Столярова Л. В. Свод записей писцов... С. 133.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 630–631.